

Отзыв

о диссертационном исследовании В.В. Тихонова «Советская историческая наука в условиях идеологических кампаний середины 1940-х – начала 1950-х годов», представленной на соискание учёной степени доктора исторических наук по специальности «Историография, источниковедение и методы исторического исследования» - 07.00.09

Диссертационное исследование В.В. Тихонова посвящено теме, несомненно, актуальной и в то же время очень непростой, требующей от исследователя широты кругозора и кропотливых архивных поисков, широких социологических обобщений и тонкого психологического анализа.

Вполне можно согласиться с диссертантом в том, что «послевоенное время является периодом окончательного формирования собственно советской исторической науки... и её инфраструктуры» (с.6), в том, что идеологические кампании и дискуссии этого времени были «важнейшим содержанием духовной жизни», что «через горнило кампаний прошли практически все историки» (с.6). Все эти соображения укрепляют мысль об актуальности избранной темы. Действительно, отечественная наука должна располагать трудом, специально посвящённым воздействию этих кампаний на историческую науку. Не только в конкретно-историческом плане, но и в плане методологическом важно проследить глубину влияния внешних факторов на историческую науку.

Это влияние в какой-то мере начало разрабатываться в идейном плане (хотя нельзя сказать, что здесь сделано многое). Диссертант же выбрал иную сторону – корпорацию историков, отношения внутри неё и влияние политико-идеологических кампаний на эту корпорацию. Перед читателем – социальная история науки. В этом выборе аспекта исследования можно усмотреть определённую традицию Центра по изучению истории исторической науки Института российской истории РАН, в качестве примера достаточно указать на книгу Л.А. Сидоровой «Советские историки: духовный и научный облик» (М.; с. Пбг., 2017). Нужно признать, что такой аспект мало привлекал внимание историографов, здесь пока не накоплено испытанных исследовательских традиций. Поэтому тема диссертации В.В. Тихонова ценна как в плане тематическом, так и в плане методическом и даже методологическом.

Автор рассматриваемой работы ясно очертил объект и предмет исследования, хорошо обосновал его хронологические и территориальные рамки. Он с достаточной степенью уважения и в то же время критичности оценил сделанное предшественниками, отечественными и иностранными. Таким образом, историографическая ситуация представлена в диссертации полно и объективно.

Диссертант привлёк к исследованию большое количество разнообразных в видовом отношении источников. Совершенно обоснованно он говорит о том, что «адекватное изучение советской исторической науки возможно только при комплексном анализе опубликованных трудов историков, официальных постановлений, документов архивных фондов партийно-государственных и научных учреждений, а также материалов личных фондов историков» (с.28).

К сожалению, В.В. Тихонов при освещении источниковой базы своей работы не дал чёткой группировки источников по их видовой принадлежности. То и дело диссертант тяготеет к рассмотрению источников, исходя из места их нахождения. Это привело к тому, что методика работы с той или иной группой источников, определение их ценности не везде даны с необходимой полнотой. Так, в архивном фонде А.Л. Сидорова содержатся и делопроизводственные источники, и работы фондообразователя – источники, разные по видовой принадлежности, а, следовательно, и по методике их анализа, по характеру сообщаемой информации и пр., а характеризуются они как единая группа. Диссертант совершенно справедливо отнёс к числу важнейших такие источники как стенограммы собраний и заседаний, но они почему-то рассматриваются отдельно от других делопроизводственных источников.

В целом же привлечённая В.В.Тихоновым источниковая база исследования представляется на редкость широкой и вполне достаточной для получения достоверных выводов. В диссертации заметна хорошая фундированность каждой главы. Примечательно, что автор совершенно раскованно, свободно владеет огромной и качественно разнородной информацией, заключённой в мобилизованных автором источниках, что, как правило, является результатом их пристального и проникновенного изучения.

Обрисовывая свои методологические позиции, автор диссертационного исследования подробно показал современные достижения в области изучения положения науки, жёстко контролируемой властью. Думается, что эта часть введения дана даже с излишней подробностью, превращаясь в очерк о состоянии методологических подходов к истории науки. Кроме того, и в основной части диссертации автор снова возвращается к методологии (с.67-71). Удачнее было бы дать эту часть в более кратком изложении, акцентируя то, что было наиболее полезно автору в его работе, обосновывая те подходы и принципы, которые представляются ему наиболее пригодными для получения полного и достоверного знания.

Вместе с тем, нужно сказать, что избранный автором диссертации подход является вполне адекватным теме. Он предусматривает и определённый социологизм с его

обобщениями, и психологизм при рассмотрении положения отдельных личностей и микрогрупп внутри научного сообщества. Именно такой подход обеспечивает получение богатой деталями картины состояния науки и её деятелей.

Первая глава диссертации убедительно представляет читателю те устойчивые базовые явления, которые определяли положение исторической науки в 1930-е – 1940-е гг., её отношения с властью, внутрисистемные явления в науке. Это были механизмы, которые срабатывали в ходе политико-идеологических кампаний, определяли методы и характер их воздействия на историков. В частности, в диссертации ясно показано, что «если в среде самих историков не оказывалось заинтересованных в погромах лиц, то обсуждения проходили более или менее безболезненно» (с.209). Кроме личной (карьерной) заинтересованности, хотелось бы отметить и нравственные позиции участников событий. Так, по устному свидетельству Е.Н. Кушевой, когда в секторе истории феодальной России было устроено обсуждение работ Б.Б. Кафенгауза и для участия в назревавшем погроме прибыло некое лицо для наблюдения над ходом мероприятия, руководитель сектора С.В. Бахрушин направил общий разговор в подчёркнуто академическое русло, и погрома не получилось.

Диссертант убедительно и обстоятельно показал эту область внутри- и вненаучной действительности. При этом наиболее интересными и ценными представляются такие части главы как «Эволюция среды профессиональных историков в 1940-е гг.», «Послевоенная советская историческая наука: среда и властные отношения», «Феномен советского патронажа и советские историки», «Внутрикорпоративные конфликты в среде историков» и «Партийные и беспартийные историки». Здесь вызывают интерес и вводимые в научный оборот источники, и новые факты, и соображения автора.

Далее автор разворачивает картину, полную драматизма, психологических травм и деформированных судеб, постепенного развития идеологического давления на историческую науку. Первоначально, как верно замечает В.В. Тихонов, «идеологические кампании послевоенного времени задели историческую науку не напрямую а "по касательной"» (с.200). Историческая наука, как и общество в целом, постепенно втягивалась в идеологическую горячку.

Диссертант выдвинул вполне убедительное положение о том, что контроль власти над сообществом историков (и не только историков) не был всеобъемлющим, поэтому требовались политико-идеологические кампании, которые должны были нагнетать обстановку. Агрессивность кампаний зависела и от сформировавшегося в советское время поколения историков, переживших ещё и влияние фронтовой жизни.

Заслуживает В.В. Тихонова является размежевание идеологических кампаний, чего ранее не было в исторической науке. Это позволяет лучше проследить действия власти, понять логику её поведения в отношении историков. Вместе с тем, нужно отметить, что смешение кампаний борьбы с объективизмом и с космополитизмом было не случайным у исследователей, так как обе кампании содержали в себе компонент противостояния «преклонению перед Западом», одна кампания была тесно связана с другой. Сам диссертант отметил, что в среде филологов слово «"космополит"» являлось расхожим идеологическим ярлыком ещё в кампанию по борьбе с "буржуазным объективизмом"» (с.307-308). Думается, что границы между кампаниями были довольно зыбкими.

Представляется плодотворным подход диссертанта, когда он проводит связь между событиями, непосредственно относившимися к исторической науке, и, казалось бы, далековатыми от неё – делом КР, критикой оперы В. Мурадели «Великая дружба». Та или иная политическая кампания прокатывалась тяжёлым катком по всей культуре, и историческая наука как часть этой культуры была по-своему втянута в общий процесс идейного воздействия власти.

Освещая кампанию борьбы с буржуазным объективизмом, В.В. Тихонов обстоятельно показывает её ход в разных научных и образовательных учреждениях, их отделах, в разных областях науки. Здесь внимание читателя привлекает совершенно новый, впервые вводимый в научный оборот материал, с помощью которого реконструируется широкомасштабная картина политико-идеологических событий. Совершенно ясно видно, что упрёки и замечания, которые получали попавшие под огонь критики историки, по сути своей, вели к развитию квази-науки, подчинённой предвзятым позициям, оценкам, идеям. Примечательны такие детали в общей картине как факты сопротивления историков несправедливым указаниям (например, с.220, 221, 222, 223, 319). Жертвы сопротивлялись, более того, переходили в атаку на оппонентов. В иных случаях жертвы критики были полностью деморализованы.

Интересны наблюдения диссертанта над тактикой поведения вольных, а ещё более невольных участников кампании. Здесь было и желание получить дополнительное финансирование в свой отдел Института, и несколько замаскированное стремление защитить своих сотрудников. Читатель получает полное представление о застрельщиках кампаний – А.Л.Сидорове, В.Т. Пашуто, П.К. Алефиренко.

Сопоставляя политико-идеологическую кампанию борьбы с буржуазным объективизмом и кампанию борьбы с «безродным космополитизмом», В.В. Тихонов совершенно верно заметил, что вторая кампания была более агрессивной и беспощадной (с.305), представляется метким наблюдение по поводу хронологического совпадения этой

кампании с политическими процессами («Ленинградское дело» и «дело Госплана»). Волна увольнений сотрудников разных учреждений – важный итог кампании, подчёркивающий нарастающую жестокость.

Как на достоинство работы следует указать на разработку таких тем в четвёртой главе как восприятие антикосмополитической кампании современниками, типология участников событий, «позволяющая структурировать калейдоскоп людей и их поведение», идеологические кампании в корпоративной памяти историков.

Специальная глава (5) диссертации посвящена судьбам людей, феномену «маленького человека» и его роли в идеологических кампаниях. В центре внимания исследователя – жертвы кампании С.А. Фейгина и Е.А. Луцкий, а также те, по чьему сигналу начинались проработки. Думается, набор жертв можно было бы увеличить в интересах типизации и сопоставления результатов обеих кампаний. В первой из них заметную часть жертв составляли так называемые «старые специалисты» - историки, овладевавшие марксизмом слишком медленно, по мнению власти. Во второй кампании не видно более или менее существенного количества таких «старых специалистов».

Интересным и немаловажным представляются рассуждения диссертанта о дискуссиях по проблемам биологии, философии языкознания, политэкономии, не вылившиеся в политико-идеологические кампании, но, тем не менее, оказавшие своё влияние на духовный климат в стране, в частности, в исторической науке.

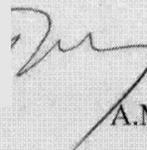
Суммируя достижения автора в исследуемой теме, необходимо сказать о значительном количестве новых фактов, представленных в работе. Диссертация очень интересна по материалу. Получен ряд обобщающих выводов и наблюдений, представляющих советскую историческую науку послевоенного периода как некий социум. Это хорошая опора для дальнейших исследований, даже для тех, которые берут в качестве предмета изучения совершенно иные аспекты истории науки.

Научная ценность диссертационного исследования состоит в том, что автор смог собрать и обобщить труднообозримый по объёму материал. В.В.Тихонов проявил высокий профессионализм в решении поставленных перед ним задач, представив на защиту оригинальное и завершённое историко-социологическое и в то же время историографическое исследование. Результаты работы и основные положения опубликованы в трёх монографиях, двух учебных пособиях, 21 статье, опубликованной в журналах, рекомендуемых ВАК, а также в 37 статьях. Материалы, выводы, обобщения и рекомендации, содержащиеся в диссертации, имеют несомненную практическую значимость.

Автореферат диссертационного исследования В.В.Тихонова даёт достаточно полное и адекватное освещение содержания диссертации.

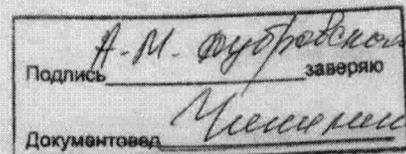
Рассмотренное диссертационное исследование В.В.Тихонова «Советская историческая наука в условиях идеологических кампаний середины 1940-х – начала 1950-х годов» убеждает в том, что диссертация соответствует критериям пункта 7 «Положения о порядке присуждения учёных степеней». Её автор заслуживает присуждения учёной степени доктора исторических наук по специальности 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования.

Доктор исторических наук, профессор Брянского государственного университета имени акад. И.Г.Петровского

А.М.Дубровский

12 сентября 2018 г.

Дубровский Александр Михайлович,
доктор исторических наук, профессор
Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация: 07.00.09 -
Историография, источниковедение и методы исторического исследования

Адрес места работы:
Факультет истории и международных отношений (ФИМО)
241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14
Телефон: +7(4832)66-66-45
E-mail: fimo209@yandex.ru